

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 351.751.5 + 929(44)“17”

Б. В. Емельянов

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Статья 1. Борьба с французским Просвещением*

Статья посвящена цензурной политике царизма по отношению к трудам французских просветителей. На основании архивных и библиографических разысканий в ней приведены примеры запрещения духовной и светской цензурой книг Вольтера, Дидро, Гольбаха и других французских просветителей.

Ключевые слова: цензура, запрещение публикаций, французские просветители, Вольтер, Дидро, Руссо.

История цензуры в России — старая исследовательская проблема, которой посвящено несколько солидных монографий [2, 10, 11, 13], не один десяток статей и научных сообщений. Несмотря на это, она все еще имеет немало лагун, не все архивные материалы опубликованы, не все факты цензурных аутодафе освещены. Нашу статью мы посвящаем истории преследования царской цензурой трудов французских просветителей. Она основана на наших библиографических и архивных поисках историко-философских источников.

Французское Просвещение — славная страница не только французской, европейской в целом, но и русской мысли. Для него Россия оказалась той страной, где его идеи, произведения всех (!) его идеологов были известны и публиковались так обильно, как ни в одной стране Европы. С воцарением Екатерины II, которая многие годы поддерживала дружеские отношения с Вольтером и Дидро, предприняла попытку позиционировать себя «философом на троне»,

* Статья написана по материалам исследования, поддержанного грантом РГНФ № 13-03-00118а.

началась эпоха «официального вольтерьянства (вольтеризма)», а вольтерьянство превратилось в моду.

XVIII в. для России было временем становления государственности европейского типа со всеми ее атрибутами, в том числе цензурой. Цензура печатных изданий свою историю начала при Петре I, когда книгоиздательская деятельность перешла от церкви в руки государства. Однако церковь свою линию преследования книг, не соответствующих религиозным догматам, продолжала. Это ее стремление Петр поддерживал, издав в 1720 г. указ, запрещающий издавать книги религиозного содержания без предварительной цензуры Духовной коллегии. Позже, уже в 1743 г., он был дополнен указом «О неприводе из-за границы напечатанных в чужих краях на российском языке книг, не освидетельствованных Синодом». Наблюдал Синод и за переводами иностранной литературы, отслеживая издания не только религиозного, но и светского содержания, особенно философского, и периодически просил их запрещения. Так было с изданием в 1756 г. учеником Ломоносова профессором Московского университета Н. Н. Поповским перевода философской поэмы английского писателя А. Попа «Опыт о человеке», с публикацией перевода А. Кантемиром книги Фонтенеля «О множестве миров».

Екатерина II цензуру не отвергала и ею не пренебрегала. В 1769 г. она предприняла попытку закрыть доступ в Россию книг «соблазнительного содержания», направив в Сенат секретный рескрипт следующего содержания: «Слышно, что в Академии наук продают такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самых и российской нации, которые во всем свете запрещены, как, например, Эмилии Руссоны, Мемории Петра III, Писмы жидовские по французскому и много подобных; а у вольных здешнего и Московского городов книгопродавцов думать надобно, что еще более есть таких книг, которые служат к преобращению нравов, по той причине, что оные лавки ни под чьим ведомством не состоят, и токо надлежит приказать накрепчайшим образом Академии наук иметь смотрение, дабы в ее книжной лавке такие непорядки не происходили, а прочим книгопродавцам приказать ежегодно реестры посылать в Академию наук и университет Московский, какие книги оны намерены выписывать, а оным местам вычеркивать в тех реестрах такие книги, которые против закона доброго нрава и нас, а если после того сыщется преступник сему в продаже книг, то конфисковать всю лавку и продать на щет сиропитательного дома, впрочем дозволяется Сенату придумать, что за луче рассудится к исполнению сего» [7, 96].

Первую цензурную атаку Екатерина II повела на типографии Н. Новикова, который, будучи сам масоном, печатал масонскую литературу. Она опасалась влияния масонов на будущего императора Павла. По приказу императрицы московский архиепископ Платон просмотрел книги, изданные в типографии Новикова, и отобрал «сомнительные». Таких книг оказалось 22, и среди них «Похвала Сократу» («приписываемая похвала Сократу несовместима ни с истиною закона, ни с разумом: а по уподоблению Сократа со Христом-спасителем соблазнительно») и книга Вольтера «Человек в 40 талеров» («мало содержит полезного, а более колобродного»). Шесть из этих «сомнительных» книг

по приказу Екатерины были у Новикова изъяты и впоследствии уничтожены, остальные возвращены в книжные лавки [7, 110–112].

Более грандиозная акция по изъятию книг по всей стране по указу Екатерины прошла в 1787 г. Только у Новикова было изъято 142 000 книг 313 наименований. Просмотрев списки изъятых книг, императрица в 1788 г. приказала 14 из них «предать огню все без изъятия», остальные вернуть издателям.

В последнее семилетие царствования Екатерины началось повсеместное запрещение книг французских просветителей и литературы о Французской революции. В архиве Тайной экспедиции Екатерины II исследователи обнаружили несколько дел, посвященных запрещению книг французских просветителей. Одно из них — дело Струговщикова. В 1771 г. в Синод поступил донос, в котором сообщалось, что купец Степан Борисович Струговщиков без должного уважения «злословит Христа», считая его не Богом и не сыном Божиим, а простым человеком, а также догмат троицы многобожием, и не признает христианских таинств. В доносе подчеркивалось, что Струговщиков читает недозволенные книги, и не только печатные.

Синод передал донос в Тайную экспедицию, и та приступила к допросам. Струговщиков сознался, что многие свои мысли он мог взять «из сочинения Вольтера и из книги “Раскрытой завесы христианства” некоторые слова» [9, 261]. Подследственный сообщил, что книги («вольтеровы сочинения разны, переведенные на русский язык») ему дал знакомый Ефим Васильевич Рознотовский — секретарь дворцовой Комиссии о коммерции и депутат Уложенной комиссии, который «уговаривал его тем, что оные книги делают человека просвещенным».

Рознотовского допрашивал сам генерал-прокурор Вяземский. На допросах выяснилось, что Струговщикову он передал «четыре письменные книги, кои он по чистой совести признает и сам, что наполнены разными развращенными и дерзостными противу христианского закона словами». Это были переводы книги Гольбаха «Разоблаченное христианство», дважды, в 1768 и 1770 гг., приговоренной во Франции к сожжению; произведений Вольтера «Обед у графа де Булэнвилье», «Рассуждение по алфавиту», «Катехизис честного человека» и «Катюкамень, или Оглашенный» (принадлежит, как позже выяснилось, перу французского философа XVIII в. Шарля Борда; была напечатана вместе с «Разговором честного человека с монахом» Вольтера). Тогда же выяснилось, что Рознотовский передал Струговщикову еще одну рукописную книгу Вольтера — «Изгнание иезуитов из Китая».

Тайная экспедиция составила по делу «замечания» на восьми листах и передала их на утверждение Екатерине II, которая приказала Струговщикова и Рознотовского за чтение «развратных» книг подвергнуть духовному наказанию, а отобранные у них рукописные переводы книг французских просветителей, «дабы оные между правоверными христианами не наводили развращенно-го соблазна», сжечь в их присутствии.

Негативное отношение Екатерины к изданиям Вольтера демонстрирует дело издателя его сочинений Ивана Герасимовича Рахманинова. В 1784 г. он открыл в Петербурге «вольную» типографию, в которой напечатал собственные

переводы вольтеровских сочинений: «Аллегорические, философические и критические сочинения», «Политическое завещание Вольтера», две части собрания сочинений Вольтера. Опасаясь преследования цензуры, Рахманинов в 1791 г. переводит типографию в свое имение в селе Казинка Тамбовского наместничества. Там он приступил к изданию собрания сочинений Вольтера в 20 томах и успел до 1794 г. отпечатать четыре из них, содержащих 85 произведений французского просветителя. Козловский городничий Сердюков донес на Рахманинова, информируя Тамбовского наместника о его типографии и издании сочинений Вольтера. По его приказу специальная команда опечатала типографию и содержащиеся в ней 5205 экземпляров книг. Екатерина II потребовала срочно сообщить сведения о Рахманинове, его типографии и о том, куда разошлись изданные в ней сочинения Вольтера. После получения ответа от Тамбовского наместника она приказала «книги под названием “Полное собрание сочинений” Вольтера, переведенные на российский язык, а как оные суть вредные и развращением наполненные... в Москве конфисковать». В отношении Рахманинова последовало другое распоряжение: «Наискорее и без малейшего разглашения типографию Рахманинова запечатать и печатание запретить... книги конфисковать, а Рахманинова спросить, с какого указного позволения начал он те книги печатать, видевши в них совершенное развращение нравов» [14, 125].

Следствие продолжалось еще несколько лет, но в 1797 г. при пожаре типография и опечатанные в ней конфискованные книги сгорели. При воцарении Павла I на престол ему было доложено о «деле Рахманинова». Царь распорядился, чтобы «чинимое о сем деле следствие было скорее окончено и изыскано притом, не скражены ли некоторые из тех книг», а через три месяца, 17 августа 1800 г., приказал: «Все книги без изъятия сжечь, а губернатору, выславшему их, благоволение объявить» [Там же, 63–64].

Сменивший на престоле Екатерину Павел I развернул борьбу против издания и ввоза иностранной литературы; только за два года (1797–1799) на таможнях было конфисковано 139 изданий, а 18 апреля 1800 г. он издает указ, в котором записано: «Так как чрез ввезенные из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданских законов и благонравия, то оные впредь до указа повелеваю запретить впуск из-за заграницы всего рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше» [8, 176–177].

Преследование книг французских просветителей продолжалось при Александре I, который 9 января 1804 г. утвердил первый в России цензурный устав. Несмотря на его достаточно либеральный характер, его положения требовали запрещения изданий возбуждающих общественное мнение, наносящих вред государству и религии. А такими, как правило, считались книги Вольтера, Дидро, Руссо и других французских просветителей. Они-то и запрещались в первую очередь. К примеру, цензор профессор Я. В. Толмачев, прочитав перевод книги Вольтера «Кандид, или Оптимизм», 17 декабря 1818 г. донес Санкт-Петербургскому цензурному комитету: «Содержание всей повести клонится к опровержению промысла, пекущегося о мире, соблазнительные же происшествия, составляющие оную, представлены в самом гнусном циническом виде; оные противны не только нравственности, но даже общим правилам благопристойности».

В решении комитета было записано: «Соглашаясь с мнением г. профессора Толмачева, комитет определил издание запретить» [5, 124]. А в 1829 г. цензором Я. В. Толмачевым была запрещена «Неизданная переписка Гримма и Дидро — собрание стихотворений и отрывков» за «гнусное кощунство насчет веры христианской» [Там же].

В преследовании книг французских просветителей правительству помогала духовная цензура, ведущая свое начало с 1799 г., когда при Синодальной контроле была создана Комиссия для свидетельства и рассмотрения сочиненных и переводных книг до церкви и учения церковного касавшихся. Эта комиссия занималась цензурованием духовных книг вплоть до 1808 г., после чего Синод функции цензуры возложил на духовные академии. Духовные цензоры часто выступали инициаторами запрещения книг французских философов. Так, в 1814 г. архиепископ Иннокентий, выступив против книги Монтескье «О существе законов», в своем отзыве писал: «Надавно отпечатана изданием четвертая часть “О существе законов” г. Монтескье. В журналах автор называется бессмертным и таким коего должен иметь всякий человек мыслящий и коего часто одна строка стоит целого тома. Но в нем между прочим находится противное евангелию, грекороссийской церкви и отечеству. Именно перевернувши несколько листов, нечаянно читаем: “Религия, повелевая прекращение труда, должна смотреть более на нужды людей, чем на величие существа, в честь которого сие делается”. Такое правило г. Монтескье предпочитает нужде богочитания. Величие существа божия выше всяких нужд человеческих; почитание бога есть нужда вечная и необходимая для всякого человека. Следственно, религия не должна смотреть более на нужду людей, нежели на величие существа...» [10, 369].

Архимандрит Венедикт в 1831 г. не одобрил «Размышление о величестве божием» Ж. Ж. Руссо. В бумагах Московского комитета для цензуры духовных книг мной обнаружен разбор перевода книги «Обеденные беседы у барона Гольбаха». Этот комитет за подписью архиепископов Венедикта и Евлампия и профессора философии протоиерея Голубинского 3 января 1831 г. запретил ее печатание, найдя «насмешки и ругательства над верою, церковь, правительствами и народами, выставленными в сей рукописи точными словами вольнодумцев XVIII в., заимствованными из сочинений, которые не были издаваемы на российский язык, крайне грубы, подлы, неблагопристойны, дерзки, гадки и возмутительны (с. 45 и 169, 110–117 письмо Вольтеру к Дидероту и ответ последнего; с. 142–149 письмо Вольтера к Даламберу; с. 151–154 возмутительное воззвание против правительств и религий...)» [3, ф. 802, оп. 1, ед. 5567, л. 5].

О совместных усилиях министра народного просвещения А. Шишкова и митрополита Серафима по изъятию «из книгохранилищ и от всякого употребления в учебных заведениях» книг, не прошедших духовную цензуру, говорит дело «О книгах относящихся к вере, изданных без Синодального разрешения», хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации. Министр и митрополит, ссылаясь на царский указ от 17 апреля 1825 г., составили большой список «зловредных книг», приказав в учебных округах эти книги рассмотреть и изъять их из обращения. В этом списке, разделенном на четыре части (1. Книги

учебные, 2. Книги нечестивые и возмутительные, 3. Книги лжемистиков, масонов, кабалистов и проч., 4. Книги соблазнительные), названо 237 книг, среди них 110 книг французских просветителей Вольтера, Руссо, Кондильяка, Монтеня, Монтескье, Гельвеция, сборники статей из Энциклопедии. О судьбе этих книг министр в течение пяти лет вел переписку с попечителями учебных округов и Синодом, но дело так и не было окончено [З, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 76]. Рассказано об этой акции и в книге А. Котовича «Духовная цензура в России. 1799–1855» [10, 424–430].

Из переписки министра с попечителями учебных округов видно, что только попечитель Казанского учебного округа, известный «гаситель просвещения» Л. Магницкий, близко принял идею просмотра и запрещения неугодных книг. И понятно почему. За несколько лет до этой акции Министерства просвещения и Синода он по личной инициативе потребовал список книг студенческой библиотеки Казанского университета и нашел «в оном заглавия книг или безбожных, или противных правительству», среди которых «Oeuvres de Voltaire», и предложил Совету университета «взяв оные немедленно из студенческой библиотеки, заменить их другими книгами, соответствующими целям воспитания». В воспоминаниях адъюнкта Казанского университета Краузе сказано, что найденные Магницким «негодные сочинения Вольтера, сквернословия Дидерота и вообще все книги, написанные против бога и государя» университетским профессорам удалось спрятать и сохранить [6, 141]. Тот же Магницкий в 1821 г. потребовал проверить библиотеки и других учебных заведений округа. В результате в Симбирске было изъято 112 названий книг, в том числе несколько книг французских просветителей; в Тобольске изъяты «Театр Вольтера», «Философская и политическая переписка императрицы Екатерины с Вольтером» и другие книги; в Казанской гимназии истреблены 109 томов 18 наименований [Там же, 264].

Николай I относился к философии негативно и даже боялся ее. Известный тезис «польза от философии не доказана, а вред несомненен», сформулированный в годы его правления, оправдывал правительственные преследования ее. При Николае I был образован Комитет иностранной цензуры, задачей которого было определено просматривать ввозимую из-за границы печатную продукцию, в том числе книги, выписываемые учебными заведениями и частными лицами. Дела этого комитета содержат немало свидетельств о запрещении работ французских просветителей. Приведем лишь два примера таких отрицательных отзывов. В рапорте № 278 от 8 августа 1828 г. цензор о «Системе природы» Гольбаха писал: «Это сочинение было осуждено на уничтожение и сожжение постановлением Парижского парламента 18 августа 1770 г. Слишком хорошо известно, сколько шуму было из-за него в свое время. Оно состоит из 2 частей: в первой — автор исследует, что такое материя и движение, далее он трактует о человеке, о его происхождении и смерти; отсюда он переходит к вопросу о происхождении души. Эти рассуждения приводят его к постановке известных вопросов о свободе, бессмертии, о догмате загробной жизни, о неизбежности самоубийств и их целесообразности; он заканчивает оценкой обязанностей человека к себе подобным, определением происхождения общества и установлением всех прав верховной власти.

Во второй части трактуется о религии, о существовании бога, о доказательствах его бытия, о деизме и оптимизме, о значении теологии и о бесплодности обращения человека к богу. Наконец он заканчивает апологией атеизма и кратким кодексом природы.

Вот некоторые из ложных и гнусных положений, высказанных в этом ужасном сочинении: “люди, — говорит автор, — во всех странах поклонялись странным, несправедливым, кровожадным, неумолимым богам, права которых они никогда не осмеливались разбирать. Эти боги были повсюду распутными, жестокими, пристрастными. Они исходили на тех разнузданных тиранов, которые безнаказанно издеваются над своими несчастными подчиненными. Такому же отвратительному богу заставляют нас поклоняться и ныне; бог христиан, подобно богам греков и римлян, наказывает нас в этом мире и будет наказывать в загробном существовании за поступки, имеющие своим источником полученную нами от него природу. Подобно опьяненному своей властью государю, он щеголяет своим могуществом... Теология показывает нам, что люди всегда подвергались наказаниям за свои неизбежные, необходимые проступки, будучи как бы жалкими игрушками в руках этого тиранического божества...”» [1, 17]. Комитет согласился с мнением цензора и запретил эту книгу Гольбаха.

Второй пример. Цензор Дукшта-Дукшинский в 1829 г. (рапорт № 300), оценивая книгу «Неизданная переписка Гримма и Дидро и собрание писем, стихов, отрывков, запрещенных имп. цензурой в 1812 и 1813 гг.», пишет: «Мысли о политике основаны здесь на понятиях, изображенных в известной книге Жан-Жака Руссо “Общественный договор”, но мы почитаем излишним приводить оные, поелику безбожие и кощунство, наполняющие сию книгу, уж слишком достаточные к строжайшему оной запрещению на основании § 3 устава о цензуре» [Там же, 18]. В статье В. Александри «Французские просветители и царская цензура» [Там же], откуда взяты эти примеры, приведен также еще один отзыв, запрещавший французское собрание сочинений Д. Дидро, в которой цензор нашел статьи, «исполненные ужасного безбожия, соединенного с гнусным кощунством на счет веры христианской и книг ветхого и нового завета» [Там же, 18]. Позже комитет выпустил «Общий алфавитный список книг на французском языке, запрещенным иностранной цензурой безусловно и для публики: с 1815 по 1853 год включительно» (СПб., 1855), в котором как запрещенные отмечены книги Дидро (с. 90), Гольбаха (с. 170), Ламенне (с. 195–196).

Во второй половине XIX в. акценты в развитии русской философской мысли сместились, актуализировались социальные проблемы, популярными стали материализм и позитивизм, появились переводы марксистских работ. На них и было переключено внимание цензуры. Однако и в это время было несколько эпизодов запрещения работ французских просветителей. В 1868 г. возникло дело по поводу издания книги «Философия истории. Сочинения Фр. М. Вольтера» (СПб., 1868). Петербургский цензурный комитет арестовал тираж. Тогда издатель Поляков попросил направить книгу в комитет духовной цензуры, но и здесь было заявлено, что книга «до такой степени переполнена вредными текстами, что опровержение должно равняться по своему объему самой книге, так как характер всего сочинения саркастический, насмешливый, а действие

сарказма на читателя трудно уничтожимо опровержением, как бы оно удачно ни было». Свое представление о книге сделал министр внутренних дел А. Е. Тимашев: «Заключающиеся в этой книге возмутительно дерзкие и саркастические глумления над предметами христианских верований, над преданиями священной истории, над догматами церкви глубоко оскорбляли бы благочестивое чувство верующего и служили бы соблазном для людей легкомысленных. В вопросах веры орудия насмешки, которыми с таким губительным успехом действовал Вольтер, гораздо опаснее серьезных исследований и возражений; последние могут быть опровергнуты, тогда как насмешки и глумления даже в случае опровержения уничтожают достоинство и авторитет предметов, признаваемых священными и неприкосновенными». По решению Комитета министров книга в 1872 г. была запрещена и в количестве 775 экземпляров уничтожена [4, 66–67].

Еще одно дело возникло в 1872 г., когда тот же издатель Н. П. Поляков напечатал двухтомник «Романы и повести Д. Дидро» (СПб., 1872). Петербургский цензурный комитет арестовал 2487 экземпляров книги. Министр А. Е. Тимашев поддержал это запрещение, написав в представлении: «Означенный том романов и повестей Дидро состоит из пяти отдельных статей, из которых первые две большие по объему “Жан фаталист и его барин” и “Белая птица” отличаются особенно вредным содержанием, а из остальных, меньших статей, в двух встречаются только некоторые места, неудобные для печати... Вся книга эта, как в общем, так и в частности, по своему антирелигиозному и циническому характеру представляется в высшей степени безнравственной и безбожной; такой характер подлинника оной признан даже в самой Франции». По решению Комитета министров в 1873 г. было уничтожено 2462 экземпляра этой книги [Там же, 99–100].

Труды французских просветителей для царской цензуры до последних дней ее существования оставались объектом преследования: их она запрещала печатать, ввозить из-за границы, держать в фондах общественных и учебных заведений. И не только их трудов, но и книг о жизни и мировоззрении Вольтера, Дидро, Гольбаха и др.

-
1. *Александр В.* Французские просветители и царская цензура // Антирелигиозник. 1939. № 6.
 2. *Блюм А. В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994.
 3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
 4. *Добровольский Л. М.* Запрещенная книга в России, 1825–1904. М., 1962.
 5. *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978.
 6. *Заоскин Н. П.* История имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. Казань, 1906. Т. 4.
 7. *Западов В. А.* Краткий очерк истории русской цензуры 60–90-х годов XVIII века // Русская литература и общественно-политическая борьба XVIII–XIX веков. Л., 1971.
 8. *Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности времен Павла I. Пг., 1916.
 9. *Козан Ю. Я.* Из истории распространения памфлетов Вольтера // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 3. М., 1956.

10. Котович А. Духовная цензура в России. СПб., 1909.
11. Лемке М. И. Очерки по истории цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
12. Мартынов Б. Ф. Журналист и издатель И. Г. Рахманинов. Тамбов, 1962.
13. Скабичевский А. М. Очерки по истории русской цензуры, 1700–1863. СПб., 1892.
14. Стацук Н. И. Вольная типография И. Г. Рахманинова на Тамбовщине // Вопр. истории. 1956. № 12.

Рукопись поступила в редакцию 8 апреля 2013 г.

УДК 316.343.32 + 323.31 + 323.325

Ю. И. Мирошников

«МЫ ПОСМОТРИМ, КТО СИЛЬНЕЕ – ВЛАСТЬ ИЛИ МЫСЛЬ» (к 200-летию со дня рождения А. И. Герцена)

Современное российское общество утратило устойчивый вектор исторического развития. Эта ситуация делает актуальным обращение к событиям России, последовавшим за Декабрьским вооруженным восстанием 1825 г. Вместе с тем особенно востребованной сегодня оказывается такая ключевая фигура идейной и политической жизни XIX в., каким является А. И. Герцен. Время А. И. Герцена — это зеркальное отражение эпохи современной постсоветской России, отражение, где левое становится правым и наоборот. А. И. Герцен всегда сохранял свою идейную мобильность, свободу выбора, возможность критики и чужих, и своих взглядов. В борьбе за будущее своей родины А. И. Герцен придавал решающее значение свободе выражения общественного мнения. Он был уверен, что мысль, выраженная публицистическими средствами, способна повести за собой общество вопреки воле властных структур.

Ключевые слова: русское дворянство, образованный человек и ученый, западники и славянофилы, деспотизм императорской власти в России, крестьянская община — зародыш социализма, европейская идея социализма, проблема прогресса в России, стиль мышления Герцена, публицистика, гегельянство.

Европейски воспитанный человек

Герцен считал себя европейски воспитанным человеком, впитавшим «с молоком матери европейскую цивилизацию», судьбу «старой Европы» он принимал как свою [4, 209]. Таких людей, как он сам, Герцен причислял к особому социальному слою российского общества, который называл образованным меньшинством класса дворянства, стоявшим между правительством и народом. Именно в этом слое «образованного меньшинства», по его мнению, таится «зародыш и умственный центр» общественного прогресса [Там же, 215]. Петр I дал толчок для возникновения этого слоя, но дальнейшее его развитие привело к глубокому внутреннему конфликту с деспотической властью Российской Империи.

«В этом сословии, где можно встретить самую высокую европейскую научную культуру при отсутствии свободы слова, без иного дела, кроме государственной